

Я проснулся. Мой сон о сражении и падении Зэра плавно перетек к его монологу. Тень императора всматривалась вдаль, где первые лучи утреннего солнца уже начинали освещать окраину леса.

Босые стопы морозила утренняя роса, и, вынув из сумки два серых от постоянных стирок, но чистых прямоугольника тонкой хлопковой ткани, я начал наматывать портянки, думая о том, как быстро и незаметно подкралось утро.

— Жалкие псы междумирья никогда бы не одолели меня, не будь их семеро. И пускай каждый из них даже поодиночке сильнее, чем самый именитые воины, я познал законы Тёмного мира. Законы, которые сковывают их силу, делая из бессмертных сельтаров смертных трусов. Таких же смертных, как и все те, кто населяет наш материк. Теперь-то ты понимаешь, что, когда я говорю «прячься за камень», надо прятаться за камень?

— Как тут не понять, — протянул я. — Кстати, я заметил, что ты часто называешь наш мир Тёмным. Это ещё одно какое-то странное ругательство?

— Ругательство? Что за невежественный ты скотоложец. Как этого можно не знать? — Император, казалось, даже поперхнулся, будто только что осознал границы безграмотности собеседника. — Эй, шут! Гляди шутку. Они тут не знают, почему этот мир называется Тёмным! От вас, стада овец, и это скрыли? Шут? Шут!!

Резкий крик господина заставил девочку подскочить, словно ей наступили на хвост.

— О, ваше величество! Отличная история! Я был настолько поражён красочным повествованием, что задумался, не сложить ли мне еще одну песню о вашем героическом сражении с теми демонами света! — спросонья затараторила девочка, пытаясь настроить свой писклявый голос на полный вежливости лад.

— Не паясничай. Ты снова дрых на моих рассказах. Я бы отдал тебя псам или залил в глотку свинцовый сплав, но, на твоё счастье, ты уже мёртв! — увидев привычное поведение своего сулги, Зэр, как и раньше, просто отсчитал его.

— Это так благородно, — расплылась в корявом реверансе девочка, походу дела сменив несколько раз впередистоящую ногу.

Со стороны это, наверное, выглядело так, будто девчушка дурачится сама с собой, ведь ранним утром на горном тракте, кроме меня и неё, никто не видел, да и не мог видеть забытого императора.

— Они ничего не знают ни обо мне, ни об их мире. Они даже не знают про великую войну со Светлым, мать его, миром, — задумчиво произнёс Зэр.

— Больно вам, ваше величество. Уверен, что сохранилось множество легенд и сказаний о вас, просто надо поискать и поспрашивать местный, так сказать, творческий контингент, — подобострастно и в меру своих возможностей пытался утешить его шут.

— Ты прямо-таки напрашиваешься на вторую смерть, подлец. Думаешь, у нас есть время песни и стихи собирать? Мне нужны мои верные солдаты!

— Так. На этом месте стоп! — Заканчивая обуваться и прислушиваясь к теме их разговора, я не мог промолчать. — Какие такие легионы? Хочешь, чтобы такие же тени, как вы, выкидывали души из людей? То же, что ты пытался сделать со мной, и что сделал твой шут с душой этой

девочки? Для тебя жизни простых смертных вообще ничего не значат?

— Много ты думаешь о черни, Райс. — Император первый раз назвал меня по имени. — Они не достойны своих тел и жизней, разве ты этого не понимаешь?

— Знаешь, мне кажется, что не зря тебя убили. — Взглянув в глаза тени, я вдруг понял, что, может, тот и был отличным воином, но вот правитель из него получился просто ужасный. Он не был достоин своего звания. — Как можно быть настолько чёрствым и безразличным к чужой жизни? Ты не умеешь разделять войну и мир.

— Овечье тело и стадная жизнь! — Оскалился Зэр. — Да знаешь ли ты, смертный, что было до того, как я стал императором? Мир раздирали междоусобные войны между графами, герцогами и королями всех мастей. Братья и сёстры травили друг друга ради места пожирнее, а детей королей и императоров убивали в яслях, дабы сохранить своё право на трон. И кто положил всему конец? Кто отрубил жадные руки Светломирцам, что, как пчёлы на мёд, слетались на золото Тёмного мира?

Император смотрел на меня так, будто я должен был знать о том, что именно он сделал всё это, и что жизни людей — ничто по сравнению с его достижениями и победами.

— По-твоему глупому лицу видно, что ты не осознаёшь моих слов, — проскрипел Зэр, видя моё безразличие, но тень не собиралась отступать. — Я прекратил угнетение нашего мира. Спас его!

— Не спас, а захватил, если верить твоим хвастливым словам.

— Да какая разница?! Это был лучший исход для него! А теперь, зная это, ты всё ещё считаешь, что они справятся с предстоящим хаосом? Без пастуха стадо овец ждёт лишь смерть в пасти волков. И я, чёрт тебя дери, грёбанный пастух! Я рвал жилы, проливал тонны крови и терял конечности бесчисленное количество раз ради их жизней, и забрать что-то после всего этого — всего лишь малая плата за мои труды!

Зэр был в ярости, выплёвывая эти слова, и я был уверен, что переубедить его будет практически невозможно.

— Ваше величество, — вмешался шут. — Боюсь показаться бестактным, но мне кажется, что они вернули контроль над материком, разделив Тёмный мир на множество княжеств и земель, которые вы с таким трепетом собирали.

Тень императора постояв ещё немного, уселась напротив, но даже так его фигура оставалась громадной.

— Мне нужна моя армия, иначе ваш... Наш мир, будет вечно захлебываться в войнах и поставлять ресурсы наверх. — Взглядом император указал на небо.

— Нет. Захватывать тела я тебе не дам ни под каким предлогом, — отрезал я и, посмотрев на девочку, добавил: — Мы еще не разобрались с ней... Эм, с ним?... В общем, отвечайте, вы её тоже вытеснили?

— Померла твоя девка под сапогами тех ублюдков. — Незаживающие от лопнувших сосудов красные глаза императора смотрели прямо на меня, не моргая и не прячась, и я почему-то понял, что он говорит правду. — Блик в неё сразу после исчезновения искры и вошёл.

— Позвольте мне ваше величество! Райс, — позвал меня шут. — Ты же говоришь о хороших, в смысле, добропорядочных людях, ну, тех, у кого тела красть не стоит. Но ведь есть и плохие, наподобие уродов, что эту девочку как раз и лишили жизни.

— И?

— Я к тому, зачем зло неконтролируемое плодить? А так у нас помощники будут. Вот смотри, был лютый убийца и душегуб, а станет послушный гвардеец императора? А, как тебе?

— Только убийц и всяких бандитов? — уточнил я.

— Гвардеец... — усмехнулся император. — А где грань между убийцей и солдатом, кто это будет решать?

— Ваше величество. — Шут умоляюще посмотрел на Зэра. — Пускай Райс и будет решать. Ведь для него это принципиально.

Император и его слуга недоверчиво покосились на меня, и шут, почему-то носящий имя Блик, продолжил:

— Кроме того, мне кажется, ты нафантазировал себе лишнего. Мы же не собираемся устраивать бойню. Во-первых, ты будешь решать, кто достоин лишиться тела, а кто нет. А во-вторых, чтобы собирать и готовить армию, нужны припасы, оружие, лошади с обозами, а у нас сейчас и денег особо нет, и передвигаться нам удобнее и незаметней малой командой.

— У меня есть и деньги, и оружие, нужно только достать мой меч! — произнёс Зэр, глядя на меня. — Если хочешь жить, тебе придётся принять мои методы.

— Вас послушать, так вы вообще армия на страже порядка. Я, кстати, всё ещё не забыл, как ты моё тело хотел похитить.

— Твоя девка, что врачевателем служит, когда гнойники вскрывает, тоже нож использует! — тыкая пальцем мне в лоб, фыркнул обвиняемый. — Нарез на опухоли — оправданная мера и единственный путь сохранить больному жизнь. Даже такая голова, как твоя, набитая осиновыми опилками, должна это понимать.

— Я не опухоль, чтоб меня из тела вытеснять!

— Ты глупый необразованный павиан! — вновь взорвался Зэр, злобно уставившись на меня.

— Павиан, который, на секунду, — я назидательно поднял, указательный палец, — побил императора Тёмного мира. И, кстати, готов бить снова и снова, пока тебе это не надоест.

— Угомонись, хвастливая собака. Ты видел, как я сражаюсь, и до сих пор считаешь, что тебе стоит твякать? И да, ты пока мне важнее как союзник, поэтому не раздражай меня по поводу и без. — Говоря это, тень вздохнула, и я почему-то понял, что сейчас он действительно так думает.

Тем не менее я знал, что таких, как Зэр, можно держать только с помощью силы и никогда не терять бдительность. Независимо от того, в чём бы эта парочка ни старалась меня убедить, я буду сохранять бдительность, пока не получу подтверждения его слов.

Горная дорога, по которой мы шли уже долгое время, вела нас то вверх, то вниз, виляя и

изворачиваясь, она огибала возвышенности и, казалось, выбирала самый неестественный для человеческой, да и для звериной тропы путь.

С основного тракта мы свернули, когда солнечный диск закатился за горные массивы. Зэр был скуп на объяснения, а если я вынуждал его отвечать, начинал свой диалог с пыхтения и высокопарных оскорблений.

— Сельтары — светлые создания. Однако не они одни желают поиграть в законность, за нами могут отправить и рождённых в тени. Лживых предателей нашего мира. Эти твари прекрасно ориентируются во тьме.

— Рождённые в тени? Это тени типа вас? — поинтересовался я, так как многое из того, что рассказывал древний воин, было для меня незнакомо.

— Да как ты смеешь?! — рявкнул Зэр.

— Райс. Его величество требует, чтобы вы не смели равнять нас с предателями, иначе... В общем, не стоит. А что касается твоего вопроса, то когда-нибудь мы ответим на него. Для тебя сейчас важно понимать, что в нашем положении эти существа могут причинить некоторое беспокойство, — пояснил Блик.

Наблюдая за девочкой-шутком, я думал, что его глуповатая маска, надетая от нелегкой жизни, оказалось эффективным инструментом приспособления или даже средством выживания.

Блик знал свою роль, словно никогда не переставал её репетировать. Казалось, он всегда появлялся вовремя и к месту. Знал, когда нужно играть дурачка, а когда сглаживать жёсткие послы императора.

Шут много улыбался и разговаривал со мной дружелюбным тоном, когда я прямо кожей ощущал пылающий и подавляемый огонь в душе Зэра.

Мягко, но настойчиво и целеустремлённо. Так ведут телят на убой, чтобы не испортить мясо страхом смерти. Я не доверял им. Предположение о том, что они вновь попытаются завладеть моим телом, укоренилось в глубине сознания.

«Ну, мы ещё посмотрим, кто из нас окажется жертвой», — подумал я и, зная, что «подсаженная» тень при должном старании сможет услышать мои мысли, постарался их контролировать.

— Некоторое беспокойство, — повторил Зэр последние слова шута. — Тебя, Райс, убьют. Над тобой, шут, надругаются. А меня сошлют обратно в место, где время становится пыткой.

— А может, и наоборот, — подхватил Блик — Над тобой Райс надругаются, а меня убьют. Но ты не шибко надейся на это. Его величество нельзя забрать без твоей головы, так что исход всё равно неутешительный.

— Так, а куда мы идём? — потерял я нить разговора.

— Видишь, тропа виляет и деревья странно растут? — сощурился император. — Это значит, что мы приближаемся к месту силы.

— Месту силы? — Снова что-то незнакомое.

— Именно. Её так мало в тебе, что даже смотреть жалко, — усмехнулся Зэр, и шут тут же поддержал его залившимся и тонким смешком.

Девочка шла впереди, вытянув тонкую шею и вглядываясь в наступающий мрак, пока я не натолкнулся на неё.

— Ваше величество! — наконец выкрикнул Блик. — Впереди дома! Это деревня!

— Вижу, что не Пирамианские сады. — Император сбавил тон, будто его мог услышать кто-нибудь, кроме меня и Блика.

Я сделал ещё пару шагов, обходя стоящую на дороге девочку, и моему взору открылась лежащая между сопками деревушка, совсем небольшая, домов на тридцать. Над деревушкой стоял галдёж и звук пастушьих дудок.

В центре населённого пункта горел огромный костёр, у которого пировали люди, развязные, слишком громкие для селян, это была не свадьба, затянувшаяся до ночи, а что-то иное.

Пировавших было не больше дюжины, двенадцать человек, сидящих за столом у кострища. Прислуживала вся деревня, мужчины и женщины не успевали подносить питьё и пищу, а запах жареного мяса был такой, что желудок Блика выдал недвусмысленное громкое урчание.

— Спустимся, попросим еды? — взмолился Шут в сторону тени императора.

— Плотский раб своих же кишок! — ошетинился Зэр — Ты дворянин или шавка, подьедающая за разбойниками?

— Но, мессир, сейчас я очень голодный дворянин! — проскулил Блик — Ну, ваше темнейшество?!

— Что тут такого? — встал я на сторону шута, так как и сам был не против отведать нормальной еды.

— Ну, иди-иди попрошайничай, блудный козёл. — Скептически скривил лицо Зэр и, не дожидаясь моей реплики, продолжил: — Нет бы быть повнимательней и прислушиваться к тем, кто хоть что-то понимает в жизни. Те, у кого ты собираешься кланчить, бандиты, ограбившие деревню. Со стола они тебе ничего не дадут. А просить у крестьян — это словно давить им на горло. Они и так отдали многое, и кормить ещё двух проходимцев им вряд ли захочется.

— Я хочу есть и она... Он... Блик тоже. — В словах тени был здравый смысл, но чувство голода сейчас оказалось сильнее. — Поэтому я всё же рискну. Блик, ты можешь ждать тут, не забывай, что ты сейчас в теле маленькой девочки, а это может лишь спровоцировать такие отбросы.